

МАЙЯ ФАР

ЖЕСТОКАЯ
ИГРА

ИСТИННАЯ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Майя Фар

Жестокая игра, или истинная под прицелом

<https://litres.ru/74130963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Проснуться накануне казни в теле преданной мужем императрицы. Выжить, быть проданной в рабство, попасть в Мёртвые земли — проклятое место куда не заглядывают даже боги.

#Как понять, что всё это чья-то игра, а тебе уготована лишь роль пешки?

Можно остаться пешкой в чужой игре. Можно стать королевой. Но что, если любовь и власть — несовместимы?

И что делать если однажды прошлое вернётся?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	58
Глава 13	66
Глава 14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Майя Фар

**Жестокая игра, или
истинная под прицелом
«Жестокая игра»**

Глава 1

Дверь распахнулась так резко, что я вздрогнула.

— Вставай. К тебе пришли.

«Кто-то ещё помнит, что я здесь?»

Я поднялась с жёсткой койки, пока стражник не «помог» мне пинком, сжала чужие пальцы в кулаки. Всё ещё сложно привыкнуть к этому телу, к этим рукам, к периодически накатывающим обрывкам чужой памяти.

Подняла голову и увидела его.

Высокий. Чёрные волосы, золотые глаза с вертикальными зрачками. Лицо, которое я знала, нет, которое помнила Айрин, но сейчас на нём отображалась такая ненависть, что я попятилась к стене.

Дагтеон из дома Чёрного Пламени. Император. Мой муж. Мой будущий убийца.

— Оставьте нас, — бросил он страже, не сводя с меня взгляда.

Дверь захлопнулась, и мы остались одни.

Стражник, перед тем как уйти закрепил факел на стене; я шурилась, отвыкнув от света.

Он молчал, просто смотрел на меня, и я чувствовала, как воздух в камере сгущается, становится тяжёлым; и мне всё труднее дышать, как будто бы воздух и правда загустел настолько, что не проходил в лёгкие.

— Скажи мне, — наконец произнёс он, и его голос был обманчиво спокоен, — как ты это сделала?

Я сглотнула.

— Что?

— Подделала метку истинности. — Он сделал шаг вперёд.
— Обманула драконью связь. Заставила меня поверить, что ты... — его голос сорвался, и он сжал челюсти, — моя...

Память Айрин молчала. Я не знала ответа.

— Я... не помню, — выдавила я.

Его глаза вспыхнули золотом, по вискам поползла чёрно-золотая чешуя.

«Императорская кровь» — пришло воспоминание, что только правящий клан драконов имеет чешую, отливающую золотом.

— Не помнишь? — Он хрипло рассмеялся, смех был похож на кашель. — Или не хочешь признаться? Думаешь, ложь спасёт тебя от казни?

Казни?

Слово ударило в грудь.

— Меня... казнят? — прошептала я.

— Сегодня на рассвете. — Он подошёл вплотную, нависнув надо мной, и я почувствовала запах: так пахнет лес после грозы, — Публично, как предательницу, преступившую закон.

Я уставилась на него, не веря.

— За что?

Его усмешка была полна яда.

Он поднял руку, и я замерла, но он лишь провёл пальцами по моему запястью. По тому месту, где должна была быть метка истинной связи.

— Ты украла мою силу. Мою честь. Разве ты думала, что я позволю тебе жить?

Он перевернул родовой перстень камнем, на котором был высечен герб, внутрь и сжал моё запястье. Его прикосновение жгло. От него исходил жар, он всё сильнее сжимал мою руку, и в какой-то момент жар стал нестерпимым. Я вскрикнула:

— Мне больно!

Он выпустил мою руку, и я увидела на руке ожог, повторяющий герб Дагтеона Лаггарда, — завиток пламени.

— Завтра ты умрёшь, — прошипел он. — Сгоришь в пламени, и твоя лож очистится.

— Нет. — Я попыталась отстраниться, но он схватил меня за плечо, не дав уйти.

— О да. — Его лицо было в сантиметре от моего.

— Я не делала того, в чём меня обвиняют! — выпалила я отчаянно. — Я не знаю, что случилось с меткой, я не помню, как...

Он дёрнул меня на себя, и я врезалась в его грудь.

— Ложь, — прошептал он мне в лицо, и его дыхание опалило губы. — Ты лжёшь так же, как лгала тогда. Когда шептала, что любишь меня. Когда клялась, что связь настоящая.

Когда смотрела мне в глаза и...

Вдруг Теон втянул воздух, прижался лицом к моим волосам, потом схватил меня за волосы, другой рукой выхватил кинжал; и я даже не успела испугаться, как он отсёк мне волосы одним движением — голове сразу стало легко.

А он оттолкнул меня так резко, что я ударилась спиной о стену.

— Всё, — бросил он, развернувшись к двери. — Я закончил. Увидимся на рассвете, истинная.

Последнее слово прозвучало как проклятие.

Дверь распахнулась. Он шагнул в коридор.

— Теон! — окликнула я, сама не зная зачем.

Он обернулся. В его золотых глазах не осталось ничего человеческого.

— Помолись, Айрин, — сказал он тихо. — Это твоя последняя ночь.

Он ушёл.

А я стояла, прижавшись к холодной стене, и дрожала.

Потому что сейчас я поняла три вещи.

Во-первых, я попала не просто в другой мир. Я попала в тело той, кого ненавидит император драконов. Во-вторых, он не просто ненавидит меня. Он хочет, чтобы я умерла.

И в-третьих, у меня нет ни единого шанса выжить.

Глава 2

После того как Теон ушёл, дверь захлопнулась. Хорошо, что он оставил мне факел: по крайней мере, какое-то время у меня будет свет. Сколько я уже в этом каменном мешке? Два дня? Три дня? А может быть, неделю? Если еду приносят раз в сутки, наверное, всё-таки три дня.

Последнее, что я помню... как я вышла с работы. Шёл снег, неожиданно ударили морозы, и под ногами было скользко. Я еле-еле дошла до машины и поехала домой. Маршрут был привычный, я не ожидала, что что-то может произойти. Неожиданно меня обогнал какой-то автомобиль и резко затормозил передо мной. Я помню визг тормозов, звук удара, стекло... И темнота.

Открыла глаза я уже здесь.

Признаться, сперва я подумала, что я в морге или в гробу: настолько было темно. Но потом я поняла, что различаю очертания предметов. Вещей здесь было не так много, но всё указывало на то, что я нахожусь в тюрьме. Или в темнице, как они здесь говорят.

Когда в первый раз распахнулась дверь, я попыталась что-то спросить. Но вместо этого получила сильный удар в живот, и грубый голос крикнул:

— Отойди!

Я отлетела к стене и больше не пыталась ничего спраши-

вать.

Вообще-то, меня никогда не били раньше. Я росла в любящей семье, только недавно съехала от родителей, но каждый день звонила; работала графическим дизайнером, и самое страшное, что со мной могло произойти, — это если слетит какая-то программа.

Но шли часы, я так и оставалась в темноте. А потом, когда я стала впадать в странное состояние между сном и явью, ко мне начали приходить обрывочные воспоминания. Чужие воспоминания.

Я одновременно была той, кто осознавала себя в этом теле, Зиновьевой Анной Сергеевной, тридцати двух лет от роду, и той, кто был здесь до меня.

Айрин из клана Серебряной стрелы. Клан Серебряной Стрелы был весьма влиятельным когда-то. Сто лет назад клан Серебряной Стрелы был правящим кланом, но потом династия поменялась, и сейчас правил клан Чёрного Пламени. Чтобы избежать переворота, император предложил объединить кланы через брак.

Невеста должна была быть свободна от меток и обязательств, тогда ритуал объединения становился возможным. Конечно, оставался шанс, что император ещё встретит истинную, но её он сможет взять второй женой, тогда как политический брак останется основным.

Именно поэтому несколько месяцев назад отец вызвал Айрин и сказал, что она выходит замуж за императора.

Для Айрин это стало ударом, потому что у неё уже был истинный. А брак означал разрыв связи и невозможность встретить истинного больше никогда.

— Отец, — умоляла Айрин, — ты обрекаешь меня на несчастную жизнь!

Но её отец, глава клана, был неумолим.

— Я должен заботиться о судьбе клана и нашей земли. Поверь мне, дочь, это небольшая плата.

И Айрин повезли в столицу.

Следующее обрывочное воспоминание было странным: Айрин разговаривала с кем-то. То ли Айрин не видела лица собеседника, то ли оно не сохранилось в памяти.

Айрин спросила его, может ли он помочь избежать этого брака. И её собеседник подтвердил, что может. Но только после того, как она выйдет замуж.

Сначала Айрин отказалась. Но чем ближе становился день брака, тем сложнее ей было это принять. И похоже, она всё-таки согласилась; подробностей память не сохранила, но следующее воспоминание было о том, как она, уже находясь здесь, в темнице, держит в руках какой-то светящийся камень и говорит какие-то странные слова.

И в её воспоминаниях всё заканчивается вспышкой света.

После этого никаких воспоминаний Айрин уже не было.

Глава 3

Из воспоминаний меня снова вырвала распахнувшаяся дверь.

Это пришли монахини. Они принесли тазы, какие-то тряпки. С их приходом я впала в странную апатию, думая о том, что мне второй шанс выпал уж больно короткий. Неужели меня правда завтра сожгут?

Я не сопротивлялась ни тогда, когда меня раздели, ни тогда, когда меня мыли чужие руки. Старалась не обращать внимания на масляные взгляды стражников, которые отказались отходить и запретили закрывать дверь. Как будто бы я нападую и всех монахинь перебую.

Что-то внутри меня всколыхнулось, когда они намылили мне голову и стали сбривать остатки волос.

— Зачем? — спросила я.

— Так надо, — сказала одна из монахинь.

Когда они всё закончили, они так же молча собрались и пошли к выходу. И вдруг та самая монахиня, которая ответила мне на вопрос, склонилась и прошептала:

— Ночью не спите. Будьте готовы.

Она сделала это так быстро и так тихо, что в какой-то момент я даже подумала, что мне показалось. Но удивительная вещь — надежда. Всего одной фразой она дала мне надежду. И я как будто ожила.

Сначала не спать было легко. Я находилась в странном возбуждении, вздрагивала от каждого шороха. Мне всё время казалось, что я уже заснула и пропустила всё самое главное.

И когда наконец дверь отворилась, я уже не понимала, где я нахожусь и кто это вошёл. То ли сейчас меня поведут на костёр, то ли это то, о чём говорила монахиня.

Судя по тому, что зашедших было двое и передвигались они бесшумно, это точно были не местные стражники, грохочущие сапогами.

На меня сверху надели плащ с капюшоном. Тихий голос предупредил, чтобы я, что бы ни происходило, не кричала и не дёргалась. Что меня нужно вывести за территорию замка, и сделать это нужно бесшумно.

— Я всё понимаю, — прошептала я.

На ноги мне надели мягкие тапки: я так поняла, это для того, чтобы я не издавала шум во время передвижения.

Выходя из камеры, краем глаза я заметила, что в камеру внесли какой-то мешок.

— Кто это? — спросила я.

— Тише, — сказали мне. — Вам надо идти.

Сначала я ничего не видела, потому что перемещались мы, не используя факелов. В коридорах темницы было темно. Но потом я почувствовала, что воздух становится свежее,

и в какой-то момент мы вышли на открытое пространство.

Небо было звёздным, луны не было, и я подумала: интересно, а в этом мире вообще есть луна? Станные мысли у того, кто не знает, что будет с ним завтра.

Передо мной открыли дверь повозки, строго наказали не шуметь, пока дверь не откроется снова. Мужчина, который со мной разговаривал, сунул мне в руку фляжку, в которой плескалась вода, и два куска хлеба.

Дверь снова закрылась. Я снова осталась в темноте и подумала, что странное у меня получается попадание: я всё время нахожусь в темноте.

Но, несмотря на темноту, настроение было приподнятое: куда бы ни ехала эта повозка, она увозила меня от костра.

Пить хотелось очень сильно, поэтому я сразу сделала несколько глотков воды. Вкус мне показался странным. И когда я поняла, что больше не могу бороться со сном, мне стало ясно, что в воду было что-то добавлено.

Интересно, зачем? И куда они всё-таки меня везут?

И я провалилась в темноту.

Глава 4

Дагтеон (Теон), император Дракариса, род Чёрного Пламени

Разговор с предательницей-супругой оставил тягостное впечатление. Я вспоминал её лицо. Это была она и в то же время не она. Как будто эти несколько дней в темнице её изменили.

У меня даже мелькнула мысль, что, может быть, она сошла с ума и действительно ничего не помнит.

Но действия клана Серебряной Стрелы говорили об обратном. Её отец требовал её вернуть. Но она больше не принадлежала их клану.

Значит, они знали, на что шли, посылая ко мне бракованную невесту. Невесту, у которой уже была метка истинности, а значит, новая появиться не могла. И эта метка истинности была не моей.

Но что странно: на моей руке она появилась и сохранялась до сих пор, а вот у неё она исчезла.

Это могло означать, что где-то есть женщина, которой они меня лишили. Но ничего, я исправлю ситуацию. Сегодня супруга умрёт в огне, и я брошу все силы на то, чтобы найти настоящую истинную.

Я так и не сомкнул глаз этой ночью, страшные мысли не давали мне заснуть: а вдруг я ошибаюсь и утром на костре

сгорит моя истинная?

Если бы я знал, насколько я был близок к правде, но я верил тому, что видел и чувствовал, а видел я исчезнувшую метку, отсутствие связи; а это мог быть только магический обман, а за это полагалась смерть.

В дверь постучали. Я знал, кто это. Начальник стражи. Он пришёл звать меня на казнь.

За окном занимался серый рассвет. Такова доля императора: я должен увидеть своими глазами, как она сгорит.

Несмотря на раннее утро, на площади собрался народ. Я усмехнулся. Всего несколько дней назад они чествовали её как будущую императрицу, а сейчас собрались посмотреть, как она сгорит в очищающем пламени.

«Толпа», — с неприязнью подумал я.

Костёр уже был подготовлен, значит, её уже должны были вывести из тюрьмы. Вскоре показалась простая телега, на которой была установлена клетка. В этой клетке, свернувшись жалким комочком, в сером рубище, с обритой головой сидела та, кто захотела занять чужое место.

Я стиснул зубы. Она выглядела настолько жалко, что мне снова захотелось её помиловать. Тем более метка на руке пульсировала, когда я смотрел на неё.

«Но я же проверил, у неё не было моей метки», — постарался я успокоить себя, выравнивая дыхание.

Меня кидало то в жар, то в холод, ощущения были такие, что я еле сдерживал оборот. Но вот наконец-то зачитали при-

говор. Толпа радостно зашумела. Крики «В огонь! В огонь!» раздавались всё чаще, и вскоре уже вся толпа скандировала: «Сжечь предательницу! Сжечь обманщицу!»

Её взяли под руки, повели на костёр. Она шла, понутив голову. Такое впечатление, что она сдалась. Почему она ничего не говорит? Не кричит? Не делает ничего из того, как обычно ведут себя те, кто не считает себя виновным?

И тогда я понял, что, наверное, ей что-то подлили, чтобы она не устраивала истерик.

Ну что ж, наверное, это правильно.

Внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я обернулся. Слева сидел советник Валтор. Я его недолюбливал: уж слишком он был хитёр, но не было ничего, что могло бы характеризовать его как предателя. Из-за ощущений я не мог обвинить его в неверности трону, а советы от него исходили грамотные.

Ну и потом, он представлял второй по величине влиятельный клан, который верой и правдой служил ещё моему отцу.

— Что смотришь, Валтор? — спросил я.

— Ваше императорское величество, — склонился он.

«Почему он мне напоминает ядовитую змею?» — подумал я, глядя на его вечно улыбающееся лицо. Так и кажется, что сейчас высунет раздвоенный язык и распахнёт рот, обнажив зубы, с которых стекает яд.

Но ничего из этого, конечно, не произошло.

Советник сказал:

— Ваше императорское величество, не хотели бы вы помиловать вашу супругу?

— Нет, — сказал я. — Решение принято.

— Мне отдать приказ поджигать? — сказал он.

— Да, — ответил я и вдруг заметил, что ногти на руке сменились когтями. Я сжал руку в кулак, почувствовав, как острые когти впиваются в ладонь, не защищённую чешуёй.

«Я должен», — сказал я сам себе.

Советник достал белый платок и взмахнул им.

Тотчас же взвилось пламя. Когда оно достигло ног привязанной к столбу женщины, вдруг раздался крик.

Я знал, что очистительному пламени нужно всего несколько секунд, чтобы сжечь человека дотла. Но она успела крикнуть.

А меня вдруг скрутила дикая боль. Это мог быть только разрыв метки.

«Неужели она всё-таки была моей истинной?» Стон своего дракона я уже не слышал, потому что это была последняя мысль перед тем, как я упал без памяти.

Глава 5

Советник Валтор

— Так просто всё получилось, — сказал советник, выдав мешок с деньгами двум людям в сером, и добавил: — Даже неинтересно.

— Мы сделали всё, как вы сказали, — произнёс один из них.

— Я знаю, — вяло ответил Валтор. — Но я рассчитывал на другой финал: что он бросится к пламени, вытащит свою истинную из огня. А он просто потерял сознание. Поистине, такой недостоин быть императором. Идите, — отпустил он их. — И не показывайтесь в ближайшие две недели, пока я не позову вас.

Советник подошёл к большой шахматной доске, стоящей на столе. Там в игровом порядке были расставлены белые и чёрные фигуры. Он взял в руки белую пешку и поставил её на две клетки вперёд. Затем он взял белую королеву и убрал её с доски.

А ещё он рассмеялся и сказал:

— Итак, я сделал уже два хода. Теперь посмотрим, что будет дальше.

Айрин

Я проснулась. Голова была тяжёлая, что указывало на то, что меня точно чем-то опоили. Возок продолжал двигаться, и потому как затекло всё тело, я решила, что ехали мы довольно долго. Тем более что через щели в возке пробивался свет. Учитывая, что выехали мы ночью, а сейчас день, то, может быть, мы ехали ночь, а может, и пару дней.

Наконец возок остановился. Дверь открылась, грубый голос сказал:

— Выходи.

Я вышла. Посмотрела на человека, который открыл дверь. Он был похож на слугу, но оружие у него на поясе указывало, что он скорее воин; а шрам на щеке делал его лицо страшным, потому что на нём как будто бы застыла неприятная усмешка.

Возок стоял в каком-то дворе. Напротив нас со странным слугой стояли двое мужчин в странной одежде, похожей на одежду восточных купцов: цветастые халаты, подвязанные кушаками, на пальцах были перстни, на головах — шапки, напоминающие турецкие тюрбаны. У одного из них была чёрная борода, а у другого — рыжая.

— Вот она, — сказал мужчина, который открыл дверь возка. — Но у нас есть условия.

Один из тех, кто был похож на восточных купцов, подошёл ко мне, грубо взял за подбородок, повертел мою голову. Я попыталась его оттолкнуть, но мужчина, который открыл мне дверь возка, внезапно скрутил мне руки за спиной.

— Не дёргайся, — сказал он. — Делай, что он говорит.

Когда мне полезли в рот смотреть зубы, мне вдруг захотелось, чтобы меня сожгли.

— За что ей обрили волосы? — спросил купец.

— Она преступница.

— Она девственна?

— Нет. Но я вам плачу за то, чтобы она в целости и сохранности добралась до Риталии.

Весь этот диалог вверг меня в ужас: они говорили обо мне так, словно меня здесь не было.

— Зачем так далеко? Мы можем продать её здесь.

«Работоторговцы? — подумала я. — Меня спасли, чтобы продать?!» Но дальше начался вообще абсурд.

— Нет. Это наше условие, — повторил мужчина и вытащил два немаленьких мешка. — Вот ваши деньги. Если она останется здесь, мой хозяин узнает об этом. И вы больше никогда не сможете торговать на этой земле.

Купцы переглянулись, один из них почесал бороду и сказал:

— Надо бы доплатить. Путь в Риталию лежит через Мёртвые земли. Это опасно.

— Поэтому я и обратился к вам, — сказал мужчина. — Вы же водите караваны через Мёртвые земли, вам заплатят втрое, но она должна исчезнуть. И помните: пока она находится на этой земле, с ней ничего не должно случиться. Что будет с ней за морем, уже неважно.

Я видела, как торговцы смотрят на мешки с деньгами, а потом переводят глаза на меня. Какие-то мыслительные процессы шли у них в голове.

Я же была в полнейшем шоке.

То есть меня спасли от казни, чтобы отдать в рабство? Да ещё за это доплатили?

Я попробовала повернуться к тому мужчине, который меня привёз, чтобы хоть что-то узнать. Но он, увидев, что купцы складывают деньги к себе, ушёл, оставив меня со связанными руками.

Дальше начался тихий кошмар.

Меня всю ощупали. Это было противно. Но, к счастью, ко мне никто не пытался приставать. Может быть, сработало то, что тот, кто меня привёз, предупредил, что на этой земле со мной ничего не должно случиться.

— Придётся посадить её в отдельную телегу, а то не уследим, — сказал один из торговцев. — и кто-нибудь из стражников её поимеет.

— Посадим её в клетку, — сказал другой. — Так будет надёжнее. А ключ будет у меня.

Так я и очутилась в клетке в караване, который вёз меня к каким-то Мёртвым землям, чтобы потом отправить за море, где уже никому не будет дела до того, что со мной случится.

Глава 6

Так начались мои рабские будни.

Нет, никто не заставлял меня работать. Но это было уни-
зительно. Меня выпускали два раза в сутки, потому что Зиф
и Гера, братья-работоторговцы, никому не доверяли. Но по ка-
кой-то причине они опасались того, чем пригрозил им тот
человек, который заплатил за меня.

Я пока не до конца понимала: почему они боятся что-либо
мне сделать? Откуда они, те — кто меня продали, — узнают,
сотворили со мной что-то плохое или нет?

Я пыталась найти ответы в памяти Айрин, но, видимо,
связь её души с телом истончалась, и мне всё сложнее и
сложнее было получать ту информацию, которая изначально
была не моей. И только во сне ко мне всё ещё приходили её
воспоминания.

В первую же ночь мне приснился сон.

Айрин разговаривала с императором. Отчего-то чувства
к нему у Айрин были на грани отвращения. А он, наоборот,
проявлял к ней внимание, стараясь дотронуться, прижать её
к себе, как будто не замечал, что ей это противно.

Я же смотрела на это как будто со стороны и не понима-
ла: ну вот чем он ей не угодил? Вроде бы красивый молодой
мужик.

Может быть, дело как раз в этой истинности? В том, о чём

Айрин говорила отцу: что у неё уже есть истинный?

Но почему тогда император воспринимал её как свою истинную? Это мне было непонятно.

Но чем дальше шёл караван, тем больше мне становилось ясно, что, возможно, мне эта информация про истинных уже никогда и не понадобится.

Потому что, может, меня никто руками и не трогал, но вот разговаривать рядом со мной, расписывая перспективы того, что меня ждёт, — в этом никто никого не ограничивал.

А ещё иногда мне не хватало этих двух раз в сутки. Я просила наёмников, сопровождавших клетку, позвать Зифа или Геру, чтобы меня проводили в кусты. Но никто ни разу ничего не сделал для меня. Наоборот, они старались сделать всё, чтобы ещё больше унижить меня.

Ну, возможно, у них не было целью меня унижить. Скорее всего, их целью было доставить себе развлечение.

— Ну давай, сделай свои дела! Мы тебя загородим. Что тебе, жалко, что ли? Давай, сними штаны, покажи нам, что ты там прячешь!

От этих разговоров мне становилось даже не страшно — противно.

А однажды ночью я проснулась оттого, что рядом с моей клеткой кто-то пыхтел. Я не стала дожидаться, когда он, пыхтя, закончит. Подняла такой крик, что перебудила всех в караване.

С тех пор этот озабоченный смотрел на меня с ненави-

стью. И я так полагала, что, если, не дай бог, что-то случится с Зифом или Герой, он будет первым, кто бросится «наказывать» меня.

Так что я на себе познала, что такое стокгольмский синдром. Прониклась неожиданным доверием к двум бороатым толстякам, потому что, во всяком случае пока, они были теми, кто стоял между мной и наёмниками, которые сопровождали караван. Пока только их авторитет и запреты защищали меня.

А я не видела, но слышала каждую ночь, что происходит с другими женщинами, у которых такой защиты, как у меня, не было.

Женщин периодически проводили мимо моей клетки, когда караван останавливался на «техническую» остановку. Вид у них был усталый, измученный и безнадёжный.

Некоторые из них с ненавистью смотрели в мою сторону.

Я подумала: надо же, какой интересный эффект. Мы здесь все пленники, которых везут на продажу. Но только потому, что кого-то одного держат в клетке, чтобы им не пользовались наёмники, остальные, у кого нет такой защиты, ненавидят не своих мучителей, а именно того, кому не достаётся той же грязи.

Свойство человека?

И когда я видела эти взгляды, полные ненависти, я переставала их жалеть.

Не знаю, как бы я чувствовала себя на их месте. Но мне

казалось, что я бы всё-таки потратила ненависть на тех, кто по-настоящему виноват в моих бедах.

Еду мне приносил сухой и сморщенный от времени старик.

Я сначала думала, что он какой-нибудь повар в караване. Но оказалось, что он тоже пленник, только добровольный.

Купцам продали мальчишку, подростка, примерно на тех же условиях, что и меня. То есть за него доплатили, чтобы купцы его вывезли за море.

Это всё мне рассказал старик, Корн; он сказал, что не смог его оставить, и попросился, чтобы его отправили вместе с мальчиком.

— А кто он? — спросила я старика.

Старик сказал, что мальчик — наследник главы клана Красного Крыла. А продал их брат главы клана, который сам решил возглавить этот клан. И наличие наследника его не устраивало.

Юного пленника звали Витор, и его тоже держали в клетке. Я его не видела, но мне уже было жалко мальчишку.

Долго старик не мог задерживаться возле меня, но всё-таки мне удавалось выудить хоть какую-то информацию.

Мне было интересно: что это за Мёртвые земли, которых так опасались торговцы?

Старик рассказал, что в те времена, когда боги ещё разговаривали с людьми, богов было трое — два брата и сестра. И братья поссорились между собой и поделили землю попо-

лам. И началась война. В ход шли и жители земель, и люди, и животные, даже создавались новые виды существ.

— И сестре надоела вражда между братьями. — Старик умел рассказывать, и в те короткие моменты, когда он приносил еду и ждал, когда я поем, чтобы забрать посуду, он умудрялся рассказать небольшую легенду. — И она разделила земли морем. И возле моря появились Мёртвые земли. Там не работала магия братьев, и она отправила туда всех существ, которых они создали, чтобы воевать друг с другом. Там никто не селится, потому что попавший туда не может пользоваться магией и может погибнуть от нападения чудовищ. Но есть амулеты, которые привозят из-за моря и с которыми можно пересечь Мёртвые земли. Говорят, что даже там за последние сто лет появились какие-то существа, похожие на людей. Мёртвые земли всегда берут свою дань. Но те, кто ходит за море, вынуждены ходить и через них, потому что другого пути к морю нет.

— А зачем идти за море, если такие сложности? — спросила я.

Старик вздохнул:

— Ради наживы. На что только не пойдут люди, чтобы заработать.

— А что оттуда везут? — Мне стало интересно: ну не увозят же они только рабов туда.

Старик снизил голос и ответил:

— Оттуда везут то, чего нет здесь. У них там нет драконов,

поэтому там развивалась магия дѹхов. И благодаря этой магии там создают необычные ткани, необычные благовония, артефактные камни и самую дорогую специю, которая сводит драконов с ума, — кондимес.

В памяти Айрин вдруг всплыли непрозрачные, разного оттенка и разного размера (но не больше, чем половина ладони) камни. На каждом из них был определённый узор.

Из этих камней артефакторы могли делать магические накопители. И эти камни везлись из-за моря, на территории Дракариса таких камней не было.

А вот при упоминании слова «кондимес» память Айрин подсказала, что это дороже артефактных камней.

Судя по запаху, это была корица. Везли её небольшими партиями, и для драконов она была дороже золота, потому что благодаря кондимесу дракон мог зачать ребёнка и без истинной.

Да, у драконов была проблема с рождаемостью. Дети у драконов могли родиться только от истинных. Но не каждый дракон мог встретить истинную.

Спустя десять долгих дней, когда уже казалось, что дорога будет длиться вечно и мы никогда никуда не придѐм, караван остановился.

Я дремала и очнулась от криков и плача. Встала в клетке, вытянулась, чтобы посмотреть, что там происходит.

— Что случилось? — спросила я стоящего рядом наёмника.

Обычно они не разговаривали со мной. Если поначалу они отвечивали мне грязные шутки, то к концу десятого дня даже им это уже надоело.

— Мёртвые земли, — коротко ответил он.

Глава 7

И я застыла, вглядываясь вперёд.

Сначала мне было непонятно, что делают Зиф, Гера и какой-то старик, похожий на монаха. Они устанавливали какие-то деревянные конструкции, разжигали жаровню и поглядывали на небо.

Душу кольнуло нехорошее предчувствие. И когда солнце стало клониться к закату, я поняла, что предчувствие меня не обмануло.

Купцы, которых я почти полюбила за это путешествие, готовились принести жертвоприношение. Человеческое жертвоприношение.

Они выдернули из толпы рабов двух женщин пожилого возраста и юношу; он был худой, измождённый. У меня даже появилось ощущение, что они специально его взяли для того, чтобы вот здесь он и закончил свои дни.

Это было странное ощущение. Я, ещё недавно считавшая себя цивилизованным человеком, стою и смотрю, как других людей приносят в жертву. И ровным счётом ничего не могу с этим поделать. Я вдруг поняла, что я ничем не лучше тех женщин, которых насиловали каждую ночь и которые с осуждением смотрели на меня, избежавшую этого. Я ведь тоже стою и... радуюсь, что это не меня забрали на стихийно организованное капище.

Я попыталась закрыть глаза, но поняла, что не могу этого сделать. Странное чувство: я не хочу этого видеть, но ещё больше я не хочу вообще об этом знать. И при этом я словно заморожённая смотрю на то, что происходит, и у меня полное ощущение, что это не реально. Я вдруг впала в транс, словно вылетела из тела и стала смотреть со стороны.

А ведь именно так и сходят с ума, вдруг пришла мысль: когда ум не в состоянии принимать действительность, мозг сам заставляет себя поверить во что-то другое. И я, испугавшись, что сейчас потеряю себя (пусть даже в таком кошмаре, но лучше я останусь в своём уме), вдруг снова вернулась в тело.

Когда солнце зашло, всё кончилось. Жертвы больше не кричали, и не плакали, и не молили о пощаде. На караван опустилась тишина.

Корн принёс мне еду, но я попросила унести её обратно. Я не могла есть. Как можно вообще есть после такого? Мне казалось, что до меня до сих пор доносится запах крови.

Я вдруг осознала, что нет здесь, в этом караване, тех, кто добренький или кто хорошо ко мне относится. И в этом мире нет никого, есть только я, и только я сама могу себе помочь.

Утром к моей клетке подошёл Зиф и сказал:

— Иди, сделай свои дела и не пей: пока будем в Мёртвых землях, не будет возможности выходить.

Я всё же спросила его:

— Зачем вы убили людей?

— Проход можно открыть только кровью, — прозвучал ответ.

Больше я не задавала вопросов.

После, сидя в клетке, я наблюдала, как все, словно и не было этого ночного ужаса, как ни в чём не бывало собрались, и караван двинулся дальше.

Когда мы вошли в Мёртвые земли, я действительно сразу это поняла. Как мне и сказал старик, когда я спросила его, как это будет выглядеть.

Вокруг расстилались зелёные поля. Они были настолько насыщенного изумрудного цвета, что казалось, что только в раю бывают такие виды.

И я спросила одного из стражников:

— Почему такую красоту называют Мёртвой землёй?

Наёмник засмеялся, взял яблоко и бросил его в сторону изумрудного поля.

Я не знаю, кто прятался в траве, и я не сумела разглядеть. Но яблоко исчезло прямо из воздуха. И только трава колыхалась в том месте, над которым ещё секунду назад было яблоко.

— Если ты зайдёшь туда, — сказал стражник, — от тебя не останется даже костей.

— Но почему те, кто прячется в траве, не выходят на дорогу? — спросила я.

— Потому что мы защищены артефактами, — сказал он.

А вскоре мы познакомились и с другими обитателями Мёртвых земель.

В какой-то момент в воздухе словно бы повисло напряжение. Я поняла, что не только я это ощутила, потому как наёмники закрутили головами и возницы задёргали поводья лошадей.

И вдруг раздался тихий свист, причём, похоже, наёмники его не слышали, но его явно слышали лошади, потому что телегу стало дёргать; и я увидела, что возница пытается удерживать лошадь за поводья.

Я на всякий случай прижалась к полу клетки. Я и так всегда старалась сидеть ближе к центру, потому что наёмники тогда до меня не дотягивались. Поначалу, когда пару раз заснула, прислонившись к стене, просыпалась оттого, что меня лапали.

И несмотря на то что я ожидала чего-то, это произошло внезапно. Словно пространство расступилось, и вдруг оказалось, что мы не на узкой дороге, а на широкой, и рядом не зелёные поля, а невысокие холмы, с которых сейчас на караван летели стрелы и бежали... люди.

Уже через пять минут всё было кончено. Во всяком случае ни одного целого наёмника с оружием в руках в моём поле зрения не было.

Зато караван был окружён разномастно одетыми людьми; среди них были не только мужчины, но и женщины. В руках

у всех было оружие.

И насколько я могла видеть, рабы все были целыми.

«Это что, местные Робин Гуды?»

Пока все те, кто мне встречались, не приносили ничего, кроме новых проблем.

И вдруг ряды напавших расступились, и прямо к моей клетке, к которой подтащили слегка помятого, но вроде бы целого Зифа, вышел он.

Глава 8

Я увидела мужчину, который был красив и страшен одновременно. Он был высок, широченные плечи, мощные ноги, толщина руки, наверное, с мою ногу. Но, во-первых, на лице был шрам, он пересекал левую бровь и проходил по щеке; каким-то чудом у мужчины сохранился глаз, и это было во-вторых, потому что в глазах у него была бездна.

Я никогда раньше не видела таких чёрных глаз, возникало ощущение, что у него не было белков.

Он подошёл к каравану, причём остановился напротив моей клетки, и заговорил:

— Мёртвые земли всегда берут свою плату. Мне не нужно ваше золото...

И он взглянул на Зифа, который так и сидел на земле около телеги.

— Я возьму ткани, одежду и оружие, добытое моими людьми.

Он снова сделал паузу, как будто ждал, что ему кто-то возразит.

— И последнее: все, кто пожелает, могут остаться здесь, в Мёртвых землях. Жизнь у нас непростая, но у нас нет рабов, все свободны, и каждый сам выбирает, как ему жить.

А мне захотелось закончить: и с кем.

И я первая крикнула:

— Я остаюсь!

Зиф даже подпрыгнул, что для его комплекции было немыслимо:

— Нет! Только не она!

А мужчина посмотрел на него так, что Зиф сжался.

— Любой может пожелать, и желание его будет выполнено.

Он взглянул на меня, и я едва справилась с дрожью, охватившей меня от этого взгляда.

— Откройте клетку, — приказал он.

Зиф пополз к ногам мужчины:

— Господин, не губите, давайте я отдам вам золото, всех рабов. Всё, но только не её.

Мужчина брезгливо отбросил вцепившегося в его сапоги купца.

— Зачем мне твоё золото? Я и так могу его взять, да и рабов у тебя останется столько, сколько из них пожелают остаться рабами. — Мужчина снова перевёл взгляд на меня. — Не передумала?

И я вздрогнула, вдруг осознав, что до сих пор стою, вцепившись в деревянные прутья клетки. Как, оказывается, страшно выходить из клетки, как будто бы она стала для меня защищённым пространством, а всё вокруг было чужим и враждебным.

Как часто и в жизни так происходит, что мы, вместо того чтобы попробовать что-то новое, вдруг понимаем, что нет,

нам лучше остаться в старом, может, и надоевшем, может, уже и тесном, но зато привычно-комфортном. И тогда мы перестаём расти. Потому что, только выйдя за пределы комфорта, мы эволюционируем.

Но как же сложно сделать этот шаг — всё равно что шагнуть в пропасть. Я взглянула на мужчину, который даже шага не сделал, чтобы помочь мне, и в целом смотрел на меня без эмоций. Собрала все силы, что у меня остались и... вышла из клетки. У меня даже сердце забилось, но уже от облегчения, что я смогла, я сделала этот шаг.

Дальше стали выходить ещё люди, в основном мужчины, вышло несколько женщин. К моему удивлению, не все. Я смотрела по сторонам, но нигде не видела Корна и его воспитанника.

А нападавшие потрошили запасы купцов. Они и правда не брали золото, не брали драгоценности; что их действительно интересовало, так это ткани, посуда — причём простая, а не та, что везлась на продажу, как предмет роскоши, — и оружие.

Главный — к сожалению, я пока не знала, как его зовут, — крикнул:

— Это все? Кто-то ещё решил стать свободным?

В ответ больше никто ничего не сказал, но мне показалось странным, что нигде нет старика.

— Простите, — громко сказала я, и все обернулись, — в караване был ещё один пленник в клетке, я не вижу его.

Я даже не заметила, как Зиф бросился на меня; хорошо, что у вожака реакция была отменная, вот только для Зифа она оказалась бы смертельной, не притормози он.

— Ты что, собака, скрыл от меня рабов?! — взревел главный и одной рукой поднял Зифа, который весил не меньше ста килограммов, на мой взгляд, а то и больше, за шкуру вверх. — Ну-ка, показывай!

Оказалось, что Корна связали вместе с его воспитанником и накрыли плотной рогожей, бедолага Корн почти задохнулся.

Когда их развязали и привели, главный снова задал вопрос, и мальчишка даже подпрыгнул, сверкнув жёлтыми глазами:

— Я выбираю свободу!

Корн улыбнулся, глядя на воспитанника.

Зиф мрачно посмотрел на главного:

— Уж лучше бы ты меня убил.

Главный отвернулся, а мальчишка внезапно вырвал короткий меч из ножен стоявшего рядом с ним одного из тех, кто напали на караван, и в два прыжка подскочил к Зифу:

— Давай я тебя убью, толстяк!

Зиф бежал так, что ему позавидовали бы многие бегуны. А мужчины, стоявшие вокруг, одобрительно рассмеялись.

Мальчик, который явно получил воспитание лорда: уж очень отличался от других, — остановился перед вожаком:

— Я Витор, сын главы клана Красного Крыла. Как зовут

тебя, досточтимый воин? — спросил он.

— Можешь называть меня Дарг, — сказал вожак.

— Прими мою благодарность, Дарг, — сказал мальчик. — Ты спас меня от участи хуже смерти.

А Дарг прищурился и произнёс:

— Ты не меня должен благодарить, Витор, а вот её. — И он кивнул в мою сторону. — Если бы не она, толстому купцу удалось бы тебя спрятать, и он бы увёз тебя в страну джиннов.

Мальчик подошёл:

— Леди, Корн рассказывал мне про вас, я благодарю вас.

Но Дарг, как будто ему было всё это крайне неприятно, вдруг крикнул:

— Всё, хватит, пора уходить! — И крикнул купцу, с опаской стоявшему в отдалении от воинственного мальчишки: — Трупы скинь с тропы, и у тебя есть ещё время до заката, чтобы выйти.

Дарг развернулся и, не оглядываясь, пошёл к холмам.

Я бросила последний взгляд на телегу с клеткой, поморщилась и вдруг заметила, что на телеге лежат лук и колчан со стрелами. Мелькнула мысль: «Клан Серебряной Стрелы»; и я, пока не понимая, понадобится ли мне это оружие, взяла его с собой.

Мы шли, держась вместе: я и Корн с воспитанником. Конечно же, я понимала: случись что (мало ли какие законы царят в этом... племени Дарга), ни Корн, ни мальчик не смо-

гут меня защитить; но идти рядом с теми, кого знаешь, было спокойнее.

Глава 9

Мы шли почти в самом конце колонны, нас никто не подгонял и вообще никто особого внимания не обращал. Я видела, что некоторые из тех, кто был освобождён из нашего каравана, тоже взяли с собой оружие. И мальчишка, Витор, тоже тащил ножны и меч. Он держался рядом со стариком, но с интересом поглядывал в мою сторону. Видно было, что он такой живой мальчик, ему было сложно долго молчать.

А ещё его точно ситуация с похищением и нахождением в клетке не сломила, возможно благодаря тому, что рядом был старый наставник.

И в какой-то момент он спросил у Корна:

— А почему не все рабы решили освободиться?

Мне понравилось, как Корн ответил:

— Иным, Витор, проще носить цепи. Тогда есть кто-то, кто принимает решения за тебя, и тебе не нужно нести за них ответственность.

На лице мальчика отразилось непонимание.

— А что это за жизнь? — спросил он.

Старик усмехнулся и ответил:

— Вот такая вот жизнь.

Я решила смягчить немного и добавила:

— Но, возможно, они просто боялись идти в неизвестность.

— Зато без цепей воздух слаще, — сказал Корн.

И правда. Я вдохнула: воздух совсем не соответствовал названию места, где мы находились — какие же это Мёртвые земли? Воздух был насыщенный, пахло цветами, зеленью, землёй.

И вдруг все остановились, и мы услышали голос Дарга.

— Выстроиться всем в одну цепочку! Идём след в след! Если кто-то сойдёт с тропы — это его дело! Не геройствовать, не бросаться никого спасать.

И впервые за всё время я увидела, как он бросил взгляд в нашу сторону.

Мы фактически плелись в самом конце, поэтому, когда выстроились, оказалось, что я стою последней.

Корн сказал:

— Иди вперёд, я встану позади.

И мы выстроились так, что передо мной стоял Витор, за ним — я, а замыкал цепь Корн.

Видно было, что Дарг и его люди торопятся, потому что никто не подошёл, чтобы проверить, как мы встали. Никто не встал за нами, что, я думала, было бы логично кого-то более опытного поставить.

И вот такой вот длинной цепочкой мы пошли.

Вскоре начался лес, и стало понятно, почему Дарг отдал такой приказ.

Это был очень странный лес. Когда мы в него вошли, у меня возникло ощущение того, что лес живой, как будто он смотрел на нас сотнями глаз. Но когда я попыталась посмотреть внутрь леса, то возникло ощущение, что я смотрю в плотную чёрно-зелёную стену. То есть не было видно вообще ничего.

И возникало такое несоответствие. То есть я чувствовала, что я в лесу, его ароматы, какой-то хвойно-земляно-ореховый запах. Но в то же время не было слышно ни пения птиц, ни шуршания веток, ни колыхания деревьев от ветра.

Сначала я думала, что мне показалось, но постепенно, прислушиваясь, я поняла, что это на самом деле так. Лес дышал, вдыхая и выдыхая, как огромный великан.

И от этого мне стало одновременно жутко и странно. Странно — потому что мне хотелось задышать с лесом в одном ритме, подстроиться под его дыхание, казалось, что тогда я всё пойму. Как будто у меня в душе возникло ощущение причастности к чему-то большому, даже родства.

И в какой-то момент я вдруг поняла, что мне хочется сойти с тропы и зайти внутрь леса, посмотреть, что там.

И я вдруг увидела, что идущий передо мной Витор вдруг сделал шаг и сошёл с тропы. Я, конечно, в тот момент не вспомнила слова Драга, что никто никого не возвращает, а протянула руку и вцепилась ему в плечо, пытаясь вернуть.

Мальчишка вздрогнул, но его будто что-то держало. Я услышала, как вскрикнул идущий позади Корн:

— Витор, нет!

А я почувствовала, как что-то будто тянет мальчишку из моей руки. И тогда сама сошла с тропы и, обняв мальчика, вернула его. И услышала, как из леса донёсся вздох, похожий на стон с оттенком разочарования.

Я посмотрела вперёд: вроде бы никто не оглядывался, потому что, уже встав обратно на тропу, я вдруг вспомнила инструкции и поняла, что только что все их и нарушила.

Я так и держала свою руку на плече Витора, чтобы он снова не подумал сойти с тропы.

Сколько мы так шли, я не помню, потому что потеряла счёт времени. Может быть, час, а может быть, два.

Но в итоге лес расступился, и мы вышли.

Оказалось, что недосчитались двух человек. Они были из тех, кто присоединился к людям Дарга из нашего каравана. Но никаких усилий по поиску или обещаний, что мы пойдём их искать, не прозвучало.

Я снова ощутила на себе взгляд; посмотрев, увидела, что это Дарг опять смотрит в нашу сторону. Сразу почувствовала себя виноватой, но решила ни в чём не признаваться.

Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

— Спасибо, что спасли меня, леди, — сказал Витор, и старик Корн присоединился к нему.

— Называй меня Айрин, и лучше про это не говорить громко, — улыбнулась я и спросила: — А чего ты вдруг решил сойти с тропы?

— Я не знаю, у меня было такое чувство, что там мама, и если я пойду, то обязательно приду к ней.

И вот после этих слов мне стало не по себе. Я вспомнила, как мне хотелось идти в лес, и решила держаться от него подальше. И как только ко мне пришло это решение, мне показалось, что меня окатила странная волна грусти.

Что это было? Непонятно. Чьи это чувства?

Возле нас вдруг оказался один из местных, он поинтересовался, всё ли у нас в порядке. Это был первый контакт с местными, не считая приказов и указаний Дарга.

Мы ответили, что всё нормально, а я не удержалась и спросила:

— А почему не стали искать пропавших в лесу?

— Лес никогда не отдаёт своё, — ответил мне мужчина и неожиданно сказал: — Меня зовут Атром; если вдруг вам что-то понадобится, то можете ко мне обратиться.

Но этим не ограничилось — за то время, что мы шли, к нам подошли ещё трое мужчин, и каждый из них назвал своё имя и предложил обращаться за помощью.

И если сначала я думала, что они посланы Даргом, потому что я нарушила инструкции и они пытаются это выяснить, то уже после третьего мне стало понятно, что это какие-то «брачные игры», особенно когда четвёртый принёс яблоко.

Я даже сначала хотела отказаться, а то вдруг у них возьмёшь яблоко — и уже всем должен. Но Витор вдруг посмотрел на меня, потом на этого мужчину и совсем по-детски ска-

зал:

— А можно я возьму?

Так мы заполучили яблоко.

Хорошо, что остальную часть пути никаких препятствий в виде дышащего леса или странных изумрудных полей, в которых кто-то живёт, мы больше не проходили. В какой-то момент у меня даже создалось впечатление, что всё теперь будет хорошо, потому что люди шли свободно, были слышны обычные дорожные разговоры.

Вскоре мы вошли в обычную деревню. Некоторые дома были сложены из брёвен, некоторые — из камня. Некоторые были обычными хижинами, похожими на строения из того, что валяется на дороге.

Я подумала, что и здесь, видимо, есть какое-то разделение по статусу.

Дарг обернулся и сказал:

— Тех, кто вновь к нам присоединился, сейчас распределят, у кого вы будете жить. Те, кто возьмёт над вами ответственность, будут за вас отвечать. Они расскажут вам наши законы. — И он почему-то снова посмотрел на меня, когда произнёс: — Самое главное правило: здесь работают все.

Я-то, в общем-то, не против была работать. Но что же он так всё время на меня смотрит?

Глава 10

Меня взяла пожилая женщина. Звали её Марен. Она жила одна на самом краю поселения. У неё как раз был дом, построенный, как я в своей прошлой жизни говорила, из де***а и палок. Но внутри было достаточно тепло, сухо и пахло травами.

И было две комнаты. В одной комнате стоял стол, а в другой комнате была кровать.

Я так поняла, что кровать-то одна, поэтому мне, наверное, спать придётся на полу. Но Марен предусмотрела это и принесла перину. Сказала, что на ночь будем стелить мне на лавке в кухне.

Лавок было две, и если их соединить между собой, постелить на них перину, то вполне себе получалась неплохая кроватка.

Во всяком случае, это было гораздо лучше клетки, в которой я прожила пару недель.

Марен на меня сначала смотрела с подозрением. Потом я поняла почему, когда она задала вопрос:

— За что тебе волосы состригли?

— Меня должны были казнить, — сказала я, — сжечь.

На лице Марен возникло удивление.

— Ты кого-то убила?

— Нет. Я неудачно вышла замуж. — Я решила, что не

стоит слишком много рассказывать: неизвестно, какие здесь у них цели и законы.

— Ладно, — сказала Марен. — Не хочешь говорить — не рассказывай. В конце концов, каждый попадает в Мёртвые земли по своей причине. Если ты здесь, значит, так оно и должно быть, значит, тебя боги привели.

Я подумала, что меня не боги привели, а толстые работоторговцы, но не стала уже Марен об этом говорить.

Марен мне объяснила, что здесь нет тех, кто богат или беден. Здесь каждый живёт так, как он может себе позволить. Принцип один: работаешь — ешь, не работаешь — голодаешь.

Я так поняла, что это какая-то община.

— Да, — подтвердила Марен. — Мы живём общиной, каждый занимает своё место, имеет своё дело. Мужчины охотятся, женщины собирают то, что съедобное.

— А чем занимаешься ты? — спросила я её.

— Я травница, — сказала Марен. — И мне как раз нужна помощница для того, чтобы ходить в лес.

Видимо, на моём лице что-то отразилось, потому что Марен сказала:

— Да не бойся. Мы в сам лес, конечно, не пойдём: вряд ли он нас пустит. Ну, по краешку... Там много чего тоже можно найти. Охотники туда заходят, но даже им это тяжело. Хотя жаль, там, в лесу, много чего можно найти.

Потом она взглянула на мои руки и сказала:

— Судя по всему, тебе никогда не приходилось работать.

Ну, я бы с этим поспорила. Но если говорить об Айрин, то из тяжёлой работы у неё было в основном вышивание.

Учитывая, что я так и стояла с луком и колчаном за спиной, Марен в конце концов обратила на это внимание.

— Я вижу, ты взяла с собой оружие. Может быть, тебе ближе ходить на охоту с мужчинами?

Я замотала головой:

— Я не умею.

Но Марен, как будто не услышав, сказала:

— Знаешь, давай я попрошу Даргона. Пусть он выделит кого-то, кто будет тебя учить. Чем больше у тебя будет умений, тем проще тебе будет выживать. Но первым делом тебе надо помыться.

— А кто такой Даргон? — спросила я.

— Наш главный, он встречал вас.

И я поняла, что Дарг — это и есть Даргон.

За предложение вымыться я была очень благодарна этой суровой женщине. Она помогла мне нагреть воды, отвела меня за дом, потому что в доме, конечно, мыться было негде. За домом росли деревья. Марен мне помогла, мы натянули тряпку, чтобы прикрыть с одной и с другой стороны, соорудив импровизированную душевую кабинку.

Марен дала мне горшочек с чем-то похожим на жидкое

мыло, с приятным травяным запахом; подозреваю, что не у каждого в доме такое было, но, видимо, Марен знала, как это делать, и я помылась впервые за долгие недели.

Я облилась водой и два или три раза намыливалась. Всё-таки у воды есть особое свойство — смывать не только грязь, но и плохие ощущения, липкие взгляды, злые слова.

Я даже порадовалась, что волосы у меня короткие. Хотя удивилась тому, что они так быстро отрастают. Ведь ещё совсем недавно это был ёжик, а теперь они уже прикрывают уши.

И я уже смывала с себя мыло в последний раз, когда вдруг услышала мужской голос.

Сначала я вздрогнула, испугавшись, а потом поняла, что это кто-то разговаривает с Марен внутри дома.

И это был голос Даргона.

— Марен, ну как тебе помощница?

— Пока не знаю, — сказала Марен. — Не спорит, молчаливая. Руки, правда, белые, похоже, из аристократок. Но вот только непонятно... из аристократок или из блудниц: волосы-то ей обрезали.

— То есть ты так и не выяснила, почему ей волосы отрезали?

— Нет, не рассказывает, — сказала Марен.

— Ты уж за ней поглядывай, — произнёс Даргон и добавил: — А то мало ли. Сама знаешь, у нас тут женщин мало. Начнёт головы кружить, хвостом вертеть, все передерутся.

— И вдруг спросил: — А где она сейчас? Спит, что ли?

— Да я её вымыться отправила, а то, похоже, она месяц не видела мыла и воды.

— Я же тебе не рассказывал, её в клетке везли. Как особо опасную преступницу.

Я даже собой загордилась, хотя про блудниц мне не понравилось.

На что Марен ему ответила:

— Да, скорее всего, в клетке везли, чтобы охрана с ней не развлекалась. Видать, особый заказ был, готовили для кого-то.

— Да, — хмыкнул Даргон. — Об этом я не подумал. Ну ладно, тогда я тебе всё сказал. Посмотрим, что с ней дальше делать, пока приглядишься.

Я застыла. Не знала, можно ли мне уже идти в дом или дожждаться, когда он уйдёт. И я решила дожждаться, когда он выйдет. Услышав, что хлопнула дверь, я зябко повела плечами, завернулась в полотенце и пошла к дому.

И когда я завернула за угол, чтобы пройти к входной двери, я налетела на выходящего из-за угла Даргона.

Глава 11

Я налетела на выходящего из-за угла Даргона.

Он инстинктивно схватил меня за плечи, чтобы я не упала. Я же судорожно сжала на груди тряпку, выданную мне Марен вместо полотенца, чувствуя, как краска заливает лицо.

Мы застыли так на мгновение, я неожиданно очень остро почувствовала, что я босиком, мокрая и в одном полотенце, а он — слишком близко, слишком высокий, да вообще всё слишком.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на коротких мокрых волосах, спустился ниже. Я видела, как напряглась его челюсть.

— Простите, — выдохнула я, пытаюсь отступить.

Но его руки не разжимались.

— Поджидала меня здесь? — спросил он вдруг.

— С чего бы мне вас ждать? Наоборот, ждала, когда вы уйдёте! — с возмущением произнесла я, вырываясь из его рук. — Пропустите!

Он, видимо, от неожиданности отступил. И я побежала к двери.

— Зачем тебе лук? — вдруг спросил он

— Ходить на охоту, — ответила я, не подумав.

— Это не женское дело, — заявил этот предводитель Ро-

бин Гудов.

Но я не ответила, потому что уже вошла в дверь и закрыла её.

Марен с подозрением посмотрела на меня:

— С кем ты там разговаривала?

— С Даргом, — ответила я.

— Ты что, специально его дожидалась?

А я подумала: и эта туда же.

— Нет! Он налетел на меня из-за угла. — И я решила прояснить хотя бы с Марен. — Почему вы меня все подозреваете в том, что я хочу навязать себя мужчине?

Марен пожала плечами:

— Потому что это проще всего. Те, кто живут с мужчинами, не работают, ну если мужчина может обеспечить долю и за себя, и за женщину. А ты красивая, за тебя будут биться. — Она взглянула на меня и добавила: — Даже несмотря на то, что волосы твои обрезаны.

Я вдруг поняла, что пока ничего не знаю о жизни здесь. И, переодевшись, попросила Марен рассказать.

— Зачем тебе это? — спросила женщина.

— Я не хочу ни с кем жить, — сказала я, — хочу сама, как ты.

Марен улыбнулась:

— Все так говорят, но когда придут холода, тебе захочется тёплый дом; и даже если ты станешь лучшей травницей, пока ты молода, тебе не избежать выбора.

— Да почему?!

— Потому что молодых женщин мало, а молодых мужчин много, и скоро они все начнут вокруг тебя кружить, и Дарг объявит бои, — ответила Марен так, будто бы такое уже было.

— Так уже было? — спросила я.

— Да, — ответила Марен, — было, и выиграл сильнейший.

— Дарг?

— Он не участвовал, хотя Леяна этого очень хотела, но её выиграл Бран.

Мне сильно не понравилась такая формулировка.

— Разве здесь женщина — это вещь, что её можно выиграть?

— Такова наша доля, — сказала Марен.

Мне вдруг стало не хватать воздуха: похоже, я попала из одной проблемы в другую. Мне стало настолько тошно, я представила себе одного из этих поселенцев и как он уводит меня в свой каменный дом...

— Что у тебя с лицом? — спросила Марен.

— Марен, я не хочу так. — Я схватила женщину за руку. — Скажи мне, как избежать, кем надо стать, чтобы никто не мог на меня предъявить права?

— Можно стать охотником, — сказала Марен, — но они рискуют каждый раз, заходя в лес.

И я вспомнила, как Дарг спросил меня про лук. Ну что

же, значит, мой ответ был провидческим.

— Я стану охотником, — сказала я. — Ты мне поможешь?
Марен покачала головой:

— Только если ты умеешь стрелять из своего лука, тогда я отведу тебя к Кейлану; он главный среди охотников, может, он тебя и возьмёт.

Я понимала, что показать завтра Кейлану мне будет нечего, но, может, он меня возьмёт в ученики?

Поэтому Марен я ничего не сказала про то, что лук не мой.

Утро началось с того, что я проспала.

Марен разбудила меня, тряся за плечо:

— Вставай! Кейлан уже ждёт!

Я вскочила, наспех умылась и, взяв с собой лук и колчан со стрелами, выбежала на улицу. Рассвет только занимался, небо было серо-розовым, значит, выйдет солнце — и будет жарко; а пока было довольно прохладно.

Мы с Марен прошли в самый конец деревни, там возле каменного дома стоял высокий темноволосый мужчина лет тридцати; у него был очень характерный прищур глаз — казалось, что вот-вот рассмеётся. У него тоже за спиной был лук.

— Опоздала, но бегаешь быстро, — констатировал он. — Я Кейлан. Марен сказала, что ты хочешь стать охотником и

даже что-то умеешь. Покажи.

— Я Айрин, и я буду стрелять из лука, — тоже назвалась я и вдруг подумала, что ничего страшного не случится, если я выстрелю из лука; пусть даже и промажу, но в данной ситуации я просто обязана попытаться.

— Посмотрим, — усмехнулся Кейлан. — Пошли.

Мы вышли за пределы поселения на небольшую поляну. Там уже были установлены две мишени: соломенные чучела с нарисованными кругами, одна стояла ближе, а другая — дальше.

Я взяла в руки лук, Кейлан подозрительно посмотрел на меня, по всей видимости, я как-то не так его держала. Но я сделала вид, что так и надо.

И вдруг как будто кто-то стал мне помогать: руки стали уверенными, ноги твёрдо упёрлись в землю, и я вдруг поняла — я знаю, что попаду.

Я прицелилась, что-то внутри меня зазвенело, как будто бы я и есть тетива, натянутая до звона; мишень я видела так, словно она была на расстоянии вытянутой руки. Странное ощущение того, будто я всегда знала, как это делать.

Я отпустила тетиву, и стрела вонзилась в самую середину мишени.

Кейлан замер.

— Ещё раз, — сказал он.

Я повторила, и вторая стрела легла рядом с первой, снова в центр.

Третья. Четвёртая. Пятая. Все в яблочко. И в ближней, и в дальней мишени.

Кейлан медленно обернулся ко мне, подошёл ближе, изучая меня взглядом.

— Я беру тебя в отряд, но надо сказать Даргону. Пошли.

Глава 12

Дом Даргона был, пожалуй, не самым большим в поселении. Но самым солидным.

Я не знаю, как они тут эти камни таскали и тесали. Но дом был каменный, и камни были как крупные кирпичи; не сказать чтобы идеальной формы, но примерно все одного размера.

И вот мне стало любопытно. Я здесь никаких механизмов не видела. А в то же время как-то же они эти камни обтесали!

— Это магия, — вдруг сказал Кейлан.

Я удивилась:

— Я что, спросила о чём-то вслух?

— Нет, просто любой, кто видит дом Даргона, начинает сразу размышлять о том, как ему удалось сделать камни такой формы.

— И как? Вернее, что за магия?

— Даргон наполовину дракон.

— Разве можно быть наполовину драконом? — удивилась, поскольку память Айрин говорила обратное.

— Ну, он не оборачивается, но магия у него драконья. Он легко управляется с огнём, металлами и вот камнем.

— А почему тогда не у всех дома из такого камня, а только у него?

— Потому что каждый должен сам себя обеспечить, —

вдруг раздался уже знакомый мне голос предводителя.

Кейлан поздоровался с Даргоном. Тот с подозрением посмотрел на меня и на лучника.

— Что, уже передумала охотиться? — спросил он. — Нашла себе жениха?

Я снова удивилась и подумала: у него это больной вопрос, что ли?

И уже хотела съязвить, но ответил Кейлан:

— Нет, — сказал мужчина с лёгкой усмешкой, — я как раз привёл новенькую к тебе. Хочу взять её в отряд.

Теперь удивление появилось на лице Даргона.

— Я думал, всё это шутки.

— Нет, какие уж тут шутки. — Теперь Кейлан не усмехался, а был серьёзен. — Я думаю, что с её способностями она в глаз попадёт даже бегущему алихасу.

Теперь на лице Даргона отобразилось недоверие.

И Кейлан поспешно добавил:

— Я лично проверил. Но если хочешь, можешь сам убедиться.

Даргон хотел, и мы снова пошли за пределы деревни. И я снова вложила все стрелы в яблочко.

А поскольку время уже было не такое раннее, то из поселения стали собираться люди и смотреть на то, что я делаю.

— Леди! — вдруг раздался крик.

Я обернулась. Ну конечно, кто ещё мог назвать меня леди — только мой маленький друг Витор.

Мальчишка подбежал и смутился, увидев стоящего рядом Даргона.

— Простите, я вас не узнал со спины, — сказал он с детской непосредственностью. — И потом сразу спросил меня: — А вы научите меня так стрелять?

Не могла же я ему в присутствии Даргона сказать, что я сама не знаю, как у меня это получается, поэтому пообещала. Хорошо ещё Кейлан сказал, что сначала — охота, а потом уже — обучение.

Мальчик выглядел уже лучше, по крайней мере, ему подобрали одежду. А вот больше детей на территории поселения я не видела.

Подошли ещё люди, среди которых я увидела несколько довольно молодых женщин, две точно были из нашего каравана, а две, видимо, местные: и выглядели лучше и свежее, и одеты были почти в новую одежду.

Одна из этих двух, симпатичная полноватая блондинка, одарила меня презрительным взглядом. А я подумала: «Ну надо же, ещё не знает, кто я, а уже презирает»; и я ответила ей тем же.

— Ладно, — сказал Даргон, недовольно оглянувшись, — я согласен.

Потом он подошёл близко-близко и как будто принялся.

— Из какого ты клана?

А мне почему-то не захотелось об этом говорить, и я от-

ветила вопросом на вопрос:

— А разве это важно? — И повторила его слова, кинув взгляд на стоящих вокруг людей: — По правилам общины всё, что было до общины, остаётся за её пределами. — Но не удержалась и тут же с обидой добавила: — Хотя вы тут, конечно, и пытались меня выпрашивать.

Даргон вздохнул так, как будто я его бесила, и он не мог сдержать эмоции и попытался успокоиться.

«Ну это я умею». Я вспомнила прошлую жизнь. Если нужно было кого-то взбесить, у меня это много времени не занимало; но пока я не оказалась здесь, в этой странной живой земле, которую почему-то все называют Мёртвая, я и помнить не помнила, какая была.

— Я спрашивал тебя, женщина, в целях безопасности тех, кто здесь обитает, — процедил он.

— Ну так что, Даргон? Могу я взять новенькую в отряд? — спросил Кейлан, явно не собираясь наблюдать, как я выведу их полудракона из себя.

И Даргон, сморщившись, как будто ему не хотелось этого говорить (но, видно, не так много было охотников), процедил сквозь зубы:

— Да, Кей, можешь. — Потом сморщился и добавил: — Но за атмосферу в отряде отвечаешь сам.

Ну и из меня тут же вылез характер.

— Даргон, — сказала я громко, так, чтобы услышали те, кто собрался вокруг.

Он в удивлении поднял на меня глаза.
— У меня есть имя. Меня зовут Айрин.

Так я неожиданно приобрела привилегированное положение в местном обществе и стала охотником.

Правда, сначала мне ещё нужно было это доказать делом, а именно сходить на охоту и всё-таки уже по-настоящему попасть в глаз алихасу. Или кому-то ещё, кто мимо будет пробегать.

Я попросила Кейлана рассказать мне подробнее про то, как проходит охота. И на кого мы, собственно говоря, охотимся.

— Потому что, Кейлан, понимаешь, я не представляю себе, как выглядит даже алихас. И какого размера у него глаза, куда я должна попасть.

Кейлан долго смеялся.

Потом выяснилось, что алихас — это местное подобие оленя. Но поскольку в местном лесу нет обычных животных, то олени здесь зубастые, бегают на тигриных лапах, лазят по деревьям, и рогов у них нет. Подозреваю, что и питаются они не травой и не мхом.

Кейлан мои подозрения подтвердил, а ещё сказал, что поймать их очень сложно. Так же как и подстрелить.

— А почему стрелять надо именно в глаз? — спросила я, подозревая, что и здесь всё непросто.

Кейлан объяснил, что стрелять надо именно в глаз. Потому что если выстрел приходится в мягкую часть тела, то одной стрелой алихаса не завалить. А разозлить можно, и тогда местный олень может напасть на охотников, и неизвестно, кто в этой схватке выйдет победителем.

— Мы сделаем так, — сказал Кейлан, когда у меня закончились вопросы. — Завтра у нас очередная охота, пора пополнить запасы мяса. Мы возьмём тебя, но не волнуйся, никто от тебя в первый же день не будет ждать феноменальных результатов. Посмотришь, как проходит охота, будешь держаться у меня за спиной.

Видимо, на моём лице отразилось всё, что я думала насчёт этого, потому что Кейлан постарался меня успокоить:

— Слушай команды, и всё получится. И не опаздывай, выходим завтра на рассвете.

Я уже собралась уходить, как он мне сказал:

— Да, и после первой же охоты ты можешь начать строить себе дом. Скорее всего, у тебя даже появятся предложения.

Я с подозрением на него покосилась.

— Какого рода предложения?

— Да я уже понял, что брачные предложения ты не собираешься принимать. По обмену: мясо на какие-то вещи, которых у тебя нет.

Но мне всё равно было непонятно, как я могу построить дом. Особенно такой, в котором можно будет жить.

— Каждому охотнику община строит дом, — пояснил

Кейлан.

Вернувшись к Марен, я сказала:

— Марен, я теперь охотник.

Она почему-то грустно на меня посмотрела и вздохнула:

— Ну вот, опять у меня не сложилось с помощницей. Уйдёшь — останусь я снова одна.

И тогда я ей предложила:

— Марен, а зачем тебе жить одной? Если община построит мне дом, я приглашаю тебя в качестве своей тётушки поселиться вместе со мной.

— Ты серьёзно? — вдруг спросила Марен.

А я удивилась:

— А что в этом такого? Ты очень вкусную похлёбку варишь. У меня такой в жизни не получится. Тем более что я и с печкой не умею обращаться.

У Марен почему-то вдруг затряслись плечи.

— Ты что, Марен? Ты плачешь? — спросила я.

— Нет... — Она замотала головой, а потом подняла на меня полные слёз глаза. — Ну да, я плачу.

— А почему? — Я улыбнулась.

— Ты меня знаешь сутки. Но я очень хорошо чувствую людей и знаю: то, что ты сейчас предложила, ты предложила от чистого сердца. Здесь такого нет. Здесь каждый сам за себя.

И я вдруг вспомнила, что сказал Даргон, когда я спросила, почему таких домов больше нет в деревне. Он сказал: «Каждый должен сам себя обеспечить».

«Глупые люди, — подумала я, — вместе выживать гораздо легче».

Но это я ещё не знала, с чем я столкнусь на охоте и к чему это приведёт.

Глава 13

Император Дагтеон

Темнота и боль стали моими спутниками. С того самого дня, как я сжёг на костре свою истинную. Когда я в тот день пришёл в себя, я сразу почувствовал, что у меня внутри — кровоточащая рана, как будто мне вырезали сердце ржавым ножом и засыпали солью.

«Но ведь у неё не было метки!» — кричал разум, а сердце стучало: «Бы-ла, бы-ла».

Я достал её волосы, которые отрезал ей там, в темнице. Вплёл их себе в косу. Так боль была меньше, и мне казалось, что она всё ещё живая, рядом со мной.

Потянулись дни, они все были похожи один на другой — серые и мрачные. У меня больше не было желаний, и даже небо не возвращало мне покой.

Советник Валтор принёс донесение, что клан Серебряной Стрелы поднял бунт. И я решил, что надо попробовать договориться с её отцом, и отправил к ним своего друга, лорда Вернана.

Спустя неделю мне прислали его голову. Я не мог такое стерпеть. Огнём я прошёлся по землям клана Серебряной Стрелы, снося всё на своём пути, и в сопровождении генералов я вошёл в замок главы клана.

Его уже поставили на колени, но мне не нужно было его

унижение, мне нужен был ответ.

— Ты убил моего посланника!

— А ты убил мою дочь!

— А если я убью и тебя?

Он усмехнулся:

— Ты уже мёртв, император, а мертвецы не могут убивать.

Я поднял меч, и вдруг в спину мне вонзилось сразу несколько мечей.

Я взревел! Развернулся и увидел, что это мои генералы... Предатели! Убили меня. Я ещё нашёл в себе силы поднять меч, и они отшатнулись. Это доставило мне болезненное удовлетворение: бояться, даже такого... бояться.

— Предатели! Труссы! В спину! — проревел я.

Вдруг взгляд остановился на лице советника Валтора, который странная улыбался, как будто был доволен. И я понял, кто всегда был за моей спиной, но никогда не показывал своего истинного лица. И я решил, что пусть я умру, но его я захвачу с собой, и сделал шаг, но в этот момент что-то тяжёлое обрушилось мне на голову. И темнота накрыла меня.

Советник Валтор

Всё шло по плану. По его плану. Император не знал, но Валтор втайне организовал совет глав кланов, на котором было принято решение низложить императора. Но он и правда был очень силен и вряд ли согласился бы с решением

Совета. Тогда Валтор и договорился с кланом Серебряной Стрелы. А уговорить генералов не составило труда: достаточно было, как и Совету, предъявить доказательства, что император убил истинную пару. И здесь пригодился глава клана Серебряной Стрелы, который подтвердил, что его дочь была истиной императора.

Оставался только лорд Вернан, друг императора; он бы ни за что не предал императора, и его участь была решена. Именно Валтор нашептал императору, что с кланом Серебряной Стрелы надо договариваться, и если император отправит самого близкого друга, это покажет главе клана его особое расположение.

Но по замыслу Валтора императору рано было умирать, поэтому почти всю ночь целители возвращали императора к жизни. Он был силён, но драконья сталь не давала драконам шанса выжить, поэтому тело его было отравлено, и Валтор разрешил дать императору эликсир обновления.

Эликсир заживлял любые раны, даже смертельные, но был у него один побочный эффект. Он обновлял всё, в том числе и личность, и не только у человека, но и у его драконьей ипостаси.

И рано утром, на рассвете, тело бывшего императора вынесли из чёрного хода замка и погрузили на телегу. И телега отправилась туда, где совершались сделки с живым товаром.

Теперь император Дагтеон стал тем, у кого не было имени и не было памяти.

Но он всё ещё был жив.

Разве мог Валтор себе позволить завершить такую прекрасную партию? Ведь ещё не были разыграны основные фигуры.

И пока ещё собравшийся совет глав родов думал, что они управляют ситуацией и что они должны решить, кто станет новым императором...

Но и выбрать нового они не смогут.

Потому что император всё ещё жив.

Советник Валтор, поднявшись в свои покои, передвинул короля на другую клеточку, а на его место поставил ладью.

— Пока только рокировка, — сказал он и, усмехнувшись добавил: — Но ситуация уже критическая.

И улыбнулся, глядя в большое окно. На небосклоне ещё не зашла ночная звезда.

— Теперь ваш ход, — сказал советник Валтор, глядя в небо, и в глазах его мелькнула чернота — всего на миг.

Когда ставки высоки, игра становится интереснее.

Потому что в игру вступают боги.

Но советник не знал, что боги уже вступили в игру. Ещё тогда, когда он предложил Айрин поменяться с душой из другого мира.

Глава 14

Айрин

Жизнь моя в поселении действительно изменилась.

Я всего один раз сходила на охоту и «на экскурсию» (меня не выпустили в гущу леса, куда ушёл основной отряд, оставив меня под присмотром самого молодого члена отряда, Рамира, который сам только недавно стал частью охотников), а люди уже начали приходить в небольшой дом Марен на окраине поселения. И у нас с Марен в меню появилось мясо.

Пришёл и Корн вместе с Витором, они поздравили меня, а я взяла и тоже предложила им перебраться в мой дом, если, конечно, он у меня появится. Витор прыгал от радости, потому что их сейчас поселили к суровому старику, которого, по словам Корна, ничего особо не интересовало, и он взял их исключительно для того, чтобы кто-то за ним ухаживал.

А вот Даргона с того самого дня, как он, как мне показалось, вынужденно подтвердил Кейлану, что не против, чтобы я вступила в отряд охотников, я больше не видела.

А вот с Кейланом и охотниками мы встречались каждый день. Либо сам Кейлан, либо кто-то из отряда рассказывал про лес, про то, как там надо себя вести, рассказывал про животных, которые там есть, про их повадки.

Степар, самый пожилой охотник рассказал, что даже он, кто живёт в Мёртвых землях около десяти лет, не знает всего

многообразия животных в лесу.

— Я думаю, что каждый раз лес сам приводит нам того, кого мы должны убить, — сказал он мне.

— Как это? — Я, конечно, ему поверила, но всё это выглядело довольно странно.

— Мне кажется, — пожилой охотник оглянулся, как будто не хотел, чтобы кто-то ещё услышал то, что он решился мне рассказать, — что лес разумен, либо есть что-то в лесу, что всем управляет.

Я задумалась, это полностью соответствовало и моим ощущениям, поскольку — что в тот раз, когда мы только шли через лес, что в мою первую «экскурсионную» охоту — я слышала или ощущала, что лес дышит, и мне даже казалось, что где-то бьётся его сердце.

Вдруг охотник занервничал:

— Ты только Кейлану не рассказывай, а то я несколько раз говорил, но ни он, и ни Дарг мне не верят.

А я ему ответила:

— Я верю тебе, Степар, потому что я слышу лес, и то, как он дышит, и то, как где-то бьётся его сердце.

Пожилой охотник с подозрением на меня покосился: не смеюсь ли я над ним? Но мне не было смешно, потому что я только одного не понимала: почему лес даёт возможность убивать тех, кто в нём обитает. Это я и спросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.